

DOI: 10.15372/HSS20190210
УДК 391

Р.Ю. ФЕДОРОВ

ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ МАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Тюменский научный центр СО РАН,
РФ, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86

Исследование опирается на материалы этнографической экспедиции, проведенной в 2017 г. в Манском р-не Красноярского края – на территории компактного проживания потомков белорусских крестьян–переселенцев начала XX в. Были выявлены характерные особенности традиционной культуры, привнесенные предками переселенцев из мест выхода. Отмечен фрагментарный характер их сохранности. Установлено, что наиболее активно адаптационные процессы происходили у представителей первых двух поколений переселенцев. Они были связаны как с адаптацией к новым природно-климатическим условиям и этническому окружению, так и с необходимостью изменения жизненного уклада после установления советской власти. На основании полиэтничного состава обследованных деревень и получившего в них распространения смешанных браков сделан вывод о высокой степени межэтнической интеграции потомков белорусских крестьян-переселенцев и представителей других народов, проживающих на территории данного района.

Ключевые слова: белорусы, крестьянские переселения, Манский район, Красноярский край, традиционная культура, этнокультурная адаптация.

R.YU. FEDOROV

TRANSFORMATIONS OF TRADITIONAL CULTURE AND ADAPTATION PROCESSES AT THE BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS OF MANSKY DISTRICT OF KRASNOYARSK KRAI (ON MATERIALS OF FIELD RESEARCHES)

Tyumen Scientific Centre SB RAS,
86 Malygina str., Tyumen, 625026, Russian Federation

Krasnoyarsk Krai is a leading region in Siberia on a number of Belarusians who settled the territory at the period of mass peasant resettlements in the late XIX – early XX centuries. Despite this fact, it remains one of the least studied Siberian as regards the ethnography of Belarusians living in its territory. The ethnographic expedition held in 2017 in Mansky District of Krasnoyarsk Krai partially filled the gap. The expedition materials become an empirical basis of this study. The research methodology is based on a comparative historical approach. Features of traditional culture of the Belarusian peasants-migrants were compared with its prototypes in Belarus and a new ethnic environment of migrants in Siberia. The expedition revealed the most stable patterns of traditional culture brought to the Siberian territory by the immigrant ancestors. Adaptation processes most actively took place among the first and second generations of migrants. Originally, they were connected with adapting to new climatic conditions and ethnic environment. Later such factors as changes of social and economic life of the Soviet village related to collectivization, life modernization, as well as the World War II consequences affected the adaptation. Nowadays, the prevalence of the multiethnic population is typical for all villages in the surveyed area, where descendants of the Belarusian migrants live. A number of factors contributed to its formation. Initially, lots of sites were populated by people from different provinces with equal economic and social situation. It promoted faster interethnic integration of Belarusians with other migrant groups in comparison with those areas where they lived neighboring Cheldons, Russian old-timer population. In the 1930–1940s the composition of population in the surveyed villages became more ethnically mixed due to resettling residents of individual farms (hutors) to large collective farms (kolhoz), and a demographic failure after the Great Patriotic War. These factors led to mixed marriages becoming more widespread during this period. Due to this situation, today, the migrants identification with Belarusians is connected only with echoes of historical memory kept in their families.

Key words: Belarusians, peasant resettlements, Mansky district, Krasnoyarsk Krai, traditional culture, ethnocultural adaptation.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028.
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-09-00028.

Роман Юрьевич Федоров – канд. филос. наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, e-mail: r_fedorov@mail.ru.
Roman Yu. Fedorov – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Associate, Tyumen Scientific Centre SB RAS.

Красноярский край занимает одно из ведущих мест в Сибири по числу выходцев из Белоруссии, обосновавшихся здесь во время массовых крестьянских переселений конца XIX – начала XX в. [1, с. 189]. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Канского, Ачинского, Красноярского и Минусинского округов Сибирского края, территория которых в основном совпадает с административными границами современного Красноярского края, проживало 113 010 белорусов¹, что составляло около трети от общего числа проживавших в Сибири белорусов. При этом 98 % их числа были жителями сельской местности, т.е. они являлись крестьянами-переселенцами.

Сегодня Красноярский край остается одним из наименее изученных регионов Сибири по поводу этнографических характеристик проживающих на его территории белорусов. Лишь узкий круг работ посвящен отдельным аспектам крестьянских переселений белорусов на территорию края [2; 3; 4; 5; 6] и др. В 2011 г. Е.Ф. Фурсовой была проведена этнографическая экспедиция на территории Манского района Красноярского края, в ходе которой изучались этническое самосознание, календарная и семейная обрядность белорусских переселенцев [7; 8].

В 2017 г. Манский район был вновь выбран нами для проведения этнографической экспедиции, ее материалы и стали основой для настоящей статьи. В ходе экспедиции были опрошены представители второго и третьего поколений белорусских крестьян-переселенцев, рожденные в 1920–1940-х гг. и проживающие в районном центре – с. Шалинском, а также в не охваченных ранее полевыми исследованиями деревнях Кияй, Пимья, Покосное, Орешное, Нарва, Кирза, Сугриное и Выезжий Лог.

Выбор Манского района для проведения экспедиционного исследования обусловлен тем, что во многом этот район типичен для земледельческой зоны юга Красноярского края, куда активно направлялись крестьянские переселения в период аграрной реформы П.А. Столыпина. Это обстоятельство дало возможность реконструировать на материалах отдельного локального исследования ряд общих этнокультурных процессов в среде белорусских крестьян-переселенцев, которые были характерны для всего региона. В задачи экспедиции входила фиксация устных рассказов потомков белорусских переселенцев с целью выявления особенностей традиционной культуры, которые были привнесены их предками из мест выхода, а также изучение процессов адаптации выходцев из Белоруссии к новому этническому окружению и природно-климатическим условиям. Методология исследования опиралась на сравнительно-исторический подход, в соответствии с которым полевые материалы сопоставлялись с этнографическими описаниями, сделанными как в местах выхода белорусских переселенцев, так и у некоторых представителей их нового этнического окружения в Сибири.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 06.05.2018).

Большинство опрошенных называло регионом выхода их предков Могилевскую губернию, давшую Сибири наибольшее число переселенцев [9]. Основным мотивом переселений являлось малоземелье, от которого во второй половине XIX – начале XX в. страдали многие крестьяне, проживавшие на территории современной Беларуси. Анализ устных рассказов потомков переселенцев позволил нам выявить отдельные, наиболее стойкие элементы традиционной культуры, привнесенные из мест выхода их предков, а также проследить их некоторые трансформации.

В календарной обрядности долгие все сохранялись характерные для белорусов варианты праздников зимнего и весеннего цикла. Из летних праздников наибольшее значение имели Троица и Купала. Вместе с тем осенние праздники, связанные с окончанием земледельческих работ, утратили свое былое значение. Этому способствовало разрушение традиционных форм ведения сельского хозяйства в советское время и прекращение во многих деревнях коллективных земледельческих работ в постсоветский период. Из семейной обрядности наибольшей сохранностью характеризуются поминальные обряды. Во многом это связано с тем, что их носителями продолжают оставаться представители старших поколений, тогда как практически полное исчезновение традиционных родильно-крестильных и свадебных обрядов связано с общими процессами модернизации жизненного уклада, а также с оттоком молодежи из сельской местности. На сегодняшний день традиционные для белорусов поминальные дни под названием *Деда* редко отмечаются в семьях потомков переселенцев. У некоторых представителей старшего поколения жителей д. Кияй сохранились воспоминания о том, что первопоселенцы деревни отмечали Деда четыре раза в году. Затем этот праздник сохранился в отдельных семьях лишь фрагментарно и чаще всего отмечался в ноябре на Дмитриевскую субботу или в декабре на Николу. Сокращение количества дней, в которые отмечали Деда, было характерно и для других мест компактного проживания белорусских переселенцев в Сибири [10].

В материальной культуре наиболее консервативными являются навыки приготовления традиционных блюд, характерных для белорусов. Во многом это связано с тем, что у большинства потомков переселенцев сохранились приусадебные хозяйства, которые сегодня позволяют хотя бы частично воспроизводить сложившиеся в их семьях традиционные элементы культуры питания. Причем в смешанных браках женщины, как правило, оставались хранительницами национальных гастрономических традиций.

Большинство потомков переселенцев, проживавших в указанных деревнях, отмечали, что в их семьях на протяжении долгого времени выпекался только ржаной хлеб. Повсеместное распространение пшеничного хлеба относят лишь к послевоенному времени. Среди блюд из круп широкое распространение имели каши, кулага, затирки и клецки. В рационе белорусских крестьян Манского района значительное место занимал

картофель. Его употребляли в отварном, жареном и запеченном виде. Картофель также был основным ингредиентом для таких блюд, как драники, бабка и комы́. Второй по значимости овощной культурой после картофеля являлась капуста. В рационе первых поколений белорусских переселенцев из мяса преобладала свинина. Домашние колбасы считались преимущественно праздничным блюдом. В некоторых семьях до сих пор сохранились традиции приготовления кровяных колбас, которые не были характерны для русского населения Сибири. В их рецептуре выявлены инновации, связанные с адаптацией культуры питания переселенцев к новым условиям. Так, для приготовления колбас, кроме свиной крови, могут использовать говяжью, а также кровь лося или марала. Со второй половины XX в. в рационе питания белорусов помимо свинины возросла роль говядины, баранины и куриного мяса. Рассматривая трансформации традиционной культуры питания белорусских переселенцев, проживающих на территории Манского р-на, следует отметить увеличение в их рационе доли мяса и рыбы, что во многом связано с развитием охоты и рыболовства. Переселенцы также активно занимались сбором кедровых орехов и ягод. Причем в культуре питания белорусских переселенцев отмечается большая вариативность в рецептах блюд, идентифицируемых с каким-либо одним традиционным названием. Так, переселенцы стали использовать кабачки, получившие у них распространение в Сибири, вместо традиционного картофеля для приготовления драников. Этому способствовало несколько факторов. Один из них связан с расширением или вынужденной заменой ингредиентов для приготовления традиционных блюд в новых условиях. Другим немаловажным фактором отклонения от исходных традиций стали заимствования у местного этнического окружения, а также утрата отдельных традиционных навыков приготовления пищи представителями более молодых поколений переселенцев.

В отдельных местах компактного проживания белорусов в Манском районе до сих пор сохранились жилые и хозяйственные постройки с элементами строительной культуры, привнесенными переселенцами из мест выхода. Однако ввиду ликвидации хуторов, повлекшей за собой переезд переселенцев в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в сравнительно крупные деревни, а также с учетом пожаров и заимствований более рациональных строительных приемов у сибиряков народная архитектура переселенцев Манского района довольно быстро утратила свои изначальные особенности. Несмотря на это, белорусские особенности терминологии, связанной с жилыми и хозяйственными постройками, оказались достаточно стойкими. Следует также отметить, что традиции изготовления домотканой одежды из льна продолжали бытовать вплоть до 1960-х гг., когда для большинства жителей сельской местности уже была доступна одежда фабричного производства.

В зафиксированных в ходе экспедиции устных рассказах потомков белорусских переселенцев обра-

щает на себя внимание то, что народная память в большинстве случаев сохранила лишь отдельные детали определенных компонентов традиционной национальной культуры. При этом многие информаторы испытывали затруднения в ответах на просьбу подробно описать все составляющие тех или иных праздников и обрядов, навыков традиционной хозяйственной деятельности и т.д. Все это указывает на фрагментарную сохранность традиционной культуры переселенцев.

ВЫВОДЫ

Анализ устных рассказов, зафиксированных в ходе экспедиции, позволяет получить общее представление о характере адаптационных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Манского района, имевших место с начала XX в. Опираясь на модель адаптации, предложенную О.Н. Шелегиной [11], период преадаптации, связанный с привнесением на новую территорию традиционных для мест выхода принципов жизнеобеспечения, формированием потребности в адаптации и началом реализации ее стратегий, был характерен для первого поколения переселенцев. Представители второго поколения переселенцев оказались в специфической ситуации, в которой адаптационная нагрузка на них включала несколько ключевых факторов. Первый из них был связан с продолжением начатой родителями адаптации традиционной хозяйственной деятельности к природно-климатическим условиям Сибири и привнесением в нее заимствований у нового этнического окружения. В рассказах информаторов это нашло отражение в отмечаемом ими повышении роли собирательства и охоты в жизнеобеспечении, внедрении новых приемов земледелия, элементов строительной культуры, появлении новых видов зимней одежды и т.п. Вторым немаловажным фактором, оказавшим влияние на адаптационные процессы среди представителей второго поколения переселенцев, стали революционные изменения социально-экономических реалий советского села, связанные с проведением политики коллективизации, модернизацией быта, а затем с последствиями Великой Отечественной войны. Период постадаптации, для которого характерно «совершенствование результатов адаптации, достигнутых на предшествующих этапах, сохранение их ценности для будущего в латентном состоянии» [11, с. 109] отчасти можно соотнести с периодом, начавшимся в 1950-е гг.

Для более глубокого понимания специфики периода постадаптации и современной этнокультурной ситуации следует принимать во внимание то, что для всех обследованных на территории района деревень, в которых проживают потомки белорусских переселенцев, характерно преобладание полиэтнического населения. Его формированию способствовал ряд факторов. Большинство переселенческих участков изначально осваивалось выходцами из нескольких губерний, которые находились в равном социально-экономическом положении. Это способствовало более бы-

строй межэтнической интеграции белорусов с другими группами переселенцев по сравнению с теми районами, где они первоначально проживали в окружении русского старожильского населения – челдонов. В 1930–1940-х гг. еще большему смешению этнического состава обследованных деревень способствовало переселение жителей хуторов в те поселения, где создавались колхозы, а также демографический провал, наступивший после Великой Отечественной войны. Все эти факторы обусловили широкое распространение в указанный период смешанных браков. Многие из опрошенных респондентов, представители третьего поколения переселенцев, являются детьми от браков белорусов с русскими, украинцами, латышами, эстонцами, греками и другими проживающими в этом районе национальностями. А.Ю. Майничева, рассматривая механизмы межпоколенной трансляции идентичности и традиций представителей различных переселенческих общностей, проживающих в Сибири, отмечала важную роль в них представителей третьего поколения. Именно они определяют стратегию дальнейшего сохранения этнических традиций предков или отказа от них [12]. В Манском районе большинство респондентов (третье поколение белорусских переселенцев) считают себя в первую очередь полноправными сибиряками. При этом они нередко испытывают уважение и ностальгический интерес не только к традициям предков – белорусов, но и к этнокультурному наследию представителей других проживающих рядом с ними национальностей, что косвенно подтверждает сделанное в ходе исследования заключение о высокой степени межэтнической интеграции потомков крестьян-переселенцев, проживающих на территории Манского района.

Автор статьи выражает благодарность за помощь в организации экспедиции начальнику Отдела культуры и молодежной политики Администрации Манского района Красноярского края О.В. Лишанковой, а также ведущему методисту Л.А. Дмитриевой и старшему библиографу Н.Н. Василюк МБУК «Манская межпоселенческая библиотека».

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров Р.Ю. Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 187–195.
2. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-т., 1962. 565 с.
3. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1978. 142 с.
4. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Наука-Центр, 2002. 241 с.
5. Александрович Н.Ю. Переселение белорусских крестьян в Енисейскую губернию на рубеже XIX–XX вв. // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы V Всерос. науч.-практ. интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru, 15 ян-

варя – 15 мая 2009 года / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2009. С. 9–18.

6. Дворецкая А.П., Северьянов М.Д., Славина Л.Н., Кухта С.В. Переселенцы из Белоруссии в Енисейской губернии: имперская стратегия и сибирская реальность начала XX в. // Былые годы. 2018. № 48 (2). С. 817–827.

7. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

8. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск: Беларуская навука, 2013. 579 с.

9. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шишкин В.И. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 186–189.

10. Золотова Т.Н. Поминальные традиции у сибирских белорусов // Традиционная культура. 2013. № 2 (50). С. 24–29.

11. Шелегина О.Н. О характере адаптации в культуре жизнеобеспечения русских крестьян Западной Сибири (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 109–112.

12. Майничева А.Ю. Диаспоры и проблема «третьего поколения переселенцев» в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2006. С. 67–71.

REFERENCES

1. Fedorov R. Yu. Transformations of ethnic identity among descendants of the Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017, no. 423, pp. 187–195. (In Russ.)
2. Stepynin V.A. Colonization of the Yenisei province during a capitalism era. Krasnoyarsk, 1962. (In Russ.)
3. Vereshchagin P.D. Country resettlements from Belarus (the second half of the 19th century). Minsk, 1978. (In Russ.)
4. Lamin V.A., Kostyuk M.P. (eds.) Sketches of history of Belarusians in Siberia in the 19–20th centuries. Novosibirsk, 2002. (In Russ.)
5. Aleksandrovich N. Yu. Resettlement of the Belarusian peasants to the Yenisei province at a boundary of the 19–20th centuries. *Sibirskiy subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost': materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii na sayte sib-subethnos.narod.ru, 15 yanvarya – 15 maya 2009 g.* Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Krasnoyarsk, 2009. pp. 9–18. (In Russ.)
6. Dvoretzkaya A.P., Severyanov M.D., Slavina L.N., Kukhta S.V. Settlers from Belarus early in the Yeniseysk province: the imperial strategy and the Siberian reality of the early century. *Bylye gody*. 2018, no. 48 (2), pp. 817–827. (In Russ.)
7. Fursova E.F. (ed.) Belarusians in Siberia: preservation and transformations of ethnic culture. Novosibirsk, 2011, 424 p. (In Russ.)
8. Titovets A.V. (ed.) The traditional culture of Belarusians in time and space. Minsk, 2013, 579 p. (In Russ.)
9. Mamsik T.S., Maynichenova A.Yu., Shishkin V.G. Belarusians. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2010, vol. 1, pp. 186–189. (In Russ.)
10. Zolotova T.N. Funeral traditions among the Siberian Belarusians. *Traditsionnaya kul'tura*. 2013, no. 2 (50), pp. 24–29. (In Russ.)
11. Shelegina O.N. On ways of adaptation in everyday life culture of Russian peasants of West Siberia (XVIII – early XX century). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2007, no. 3, pp. 109–112. (In Russ.)
12. Mainichenova A.Yu. Diasporas and a problem of “the third generation of migrants” in Siberia. *Etnotsial'nye protsessy v Sibiri*. Novosibirsk, Institute of philosophy and law SB RAS, 2006, pp. 67–71. (In Russ.)

Статья принята редакцией 06.04.2019